

Светлана Шевчук

БРАТ

Светлана Степановна Шевчук

Брат

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69285970

SelfPub; 2023

Аннотация

Добрая и грустная история о роли любви и добра в жизни каждого человека.

Светлана Шевчук

Брат

На улице было мерзко. Не холодно, а именно мерзко. Та самая погода, которая так усиливает ощущение теплого уютного дома, семейных посиделок и горячего чая. Именно такая погода принесла в этом году Рождество. Самый семейный из всех возможных праздников. Особенно в деревне. В вечерних сумерках каждое светящееся окно открывало словно подмигивало одиноким прохожим и приглашало зайти на огонек.

Василий как обычно шатаясь брел к своему дому. По дороге он оглядывался на эти окна. Только ему они не казались радушными хозяевами, что зовут в гости. Скорее насмешливыми одноклассниками, что дразнят конфетой и прячут ее в карман при его приближении. Чувство знакомое с детства, с каждой порцией алкоголя все большей занозой ныло в сердце.

– Петров, к доске. – Строгая учительница Вера Павловна с особым удовольствием следила за каждым несмелым шагом Васи от последней парты до доски. Вера Павловна как никто другой знала, как боится Вася Петров быть в центре внимания, как будет заикаться, пытаясь выплюнуть те крохи

знаний, которые он сумел так мучительно выучить.

И Вася Петров оправдал ее ожидания. Боялся, краснел, потел, заикался, прятал по-недетски большие натруженные руки за спину, одергивал давно короткую рубашку. Он боялся учительницу, боялся, что весь класс на него смотрит, знал, что все будут сейчас смеяться.

– Садись, Петров. С натяжкой ставлю тебе три.

Вася с облегчением почти бегом бежал к своей парте.

– Завтра родителей в школу. – Словно камнем в спину прилетели учительские слова.

Дети засмеялись.

«Родителей». У Васи не было родителей. Была только мама.

Они жили в деревне, где каждый проступок у всех на виду. А растить ребенка без папы, не буду ни разу замужем, не будучи вдовой – проступок. А еще больший проступок родить этого ребенка от женатого. И хоть никогда мать ни слова никому не сказала, чей Вася сын, но каким-то чудом вся деревня знала. А мама и не отрицала, и не подтверждала. Так и рос Васька Петровым по маме, и «Гришкин байстрюк» по отцу.

Очередное рождество с уже очень старой и больной мамой только вдвоем. Василию уже самому за сорок, а он до сих пор и не дождался от матери правды об отце. По молодости пытал ее и так, и эдак, да потом и бросил. Пытать бросил,

а пить начал. Сильно. Учеба так и не задалась, так что пришлось в деревне остаться и по словам учительницы «крутить коровам хвосты». А что? И это кому-то надо. Мама работала в огороде – еда была, а его мизерных денег и ее пенсии на выпивку хватало. Так и шел в хмельном тумане шатаясь и падая по своему жизненному пути. Так и прошел бы до конца, не зная ни жалости от чужих ни помощи. Но...

Василий открыл дверь в дом. Мама, опираясь на палочку, пыталась поставить на стол кутюю.

«Совсем мать плоха стала, – думал Василий, глядя на нее. – Видно недолго ей осталось.»

Сколько бы он не выпил, мать Василий жалел всегда. Она одна любила его всяким: не очень умным, воняющим конским навозом в конце рабочего дня, валяющимся в луже после убойной дозы самогона. Любила и жалела.

– Мам, – позвал Вася. – Присядьте Вы, я сейчас сам.

Он поставил на стол большую сумку. Достал из нее теплые дымящиеся пироги, заботливо завернутые в полотенце, колбасу, голубцы.

Старушка тяжело вздохнула. Слеза скатилась по щеке.

– Опять у Валентины был?

– Угу.

И оба замолчали. В доме запахло уютom и праздником. Только чужим.

«А хоть и так, – думал Василий. – Если от чистого сердца,

то пускай и так будет. Родная кровь все-таки...»

– Так, все быстро садимся! – Валентина привычным командным голосом рассаживала многочисленную родню за большой праздничный стол. – Паша, давай наливай всем. Кому что подать, говорите, не стесняйтесь!

В комнате было шумно, жарко и вкусно. Был праздник, было весело и многолюдно. Все трое братьев и две сестры каждый год приезжали на Рождество домой, в деревню. Они уже давно разъехались и жили каждый своей жизнью в разных городах, и только на самые большие праздники собирались все вместе. А поскольку родители уже немолоды, то и собирались у старшей сестры, которая одна в деревне осталась.

И она принимала их всех с раскрытыми объятиями. Кого надо, утешала, кому надо, давала советы, а кто заслужил, того и ругала, но каждого кормила и давала гостинцы с собой. Они были уже и большими начальниками, и известными учеными и просто состоятельными людьми. Там, у себя в городе. А тут каждый снова был ребенком, за которым надо присмотреть, помочь и пожалеть. Потому что старшая.

А еще и за родителями присмотреть. Это для них, приезжих, родители стараются быть и веселыми, и здоровыми, и не жалуются ни на что. Потому что «у них и своих забот хватает, чего им еще и наши вешать». А Валентина видит их каждый день, знает все горести, лечит все болячки. А только

ведь время не вылечишь, не остановишь.

Вот и сегодня отец уже через час тяжело вздыхает, ищет на что опереться, и пропускает беседу мимо ушей. Устал. И мама все чаще бледнее и задыхается. Надо на воздух. Да и самой Валентине надо выйти. Есть еще одно праздничное дело, которое надо сделать обязательно. Но родне про это знать не надо. Опять будет ругань.

Валентина быстро собрала сумку с гостинцами и вышла улицу. Быстро, чтобы никто не хватился. Василий стоял возле калитки.

«Уже сколько лет, сам уже в деда годится, а все-также стесняется, как мальчишка, – подумала Валентина». Щемящей волной накатила жалость и кольнуло в сердце горькой иглой любви.

Подошла, обняла, погладила по голове, прижала.

– Опять пил? – Спросила дрожащим голосом.

– Пил. – Не поднимая взгляд ответил.

– Пропьешь всю жизнь, пропадешь ведь.

– Пропаду.

– Держи, отпразднуйте с мамой. Не пей ты сегодня больше. Рождество ведь.

– Не буду больше. Спасибо тебе.

И ушел.

Валентина постояла еще минуту. Проглотила комок и пошла обратно. На пороге стояла сестра.

– Он приходил?

– Он.

– Ты никак не успокоишься? Сто раз уже говорили. Зачем ты с ним нянькаешься?

– Он ни в чем не виноват.

– А кто виноват?

– Ты знаешь, кто.

Было лето, когда Василий прибежал к Валентине в двор. Впервые забежал в дом, не топчась перед калиткой. Испуганный, как маленький ребенок.

– Что случилось? – Выбежала на порог женщина.

– Мать.

– Что мать?

– Умирает. – Выдавил из последних сил. – Умирает и тебя зовет.

Валентина как была в халате побежала к дому Василия.

Старушка лежала в кровати и очень громко дышала. Редко и громко. Как-будто отсчитывала последние минуты жизни. Растягивала их, чтобы успеть.

– Звали? – Только и могла спросить Валентина.

Увидела легкий взмах рукой и села рядом. Наклонилась поближе.

– Вася, выйди. – Неожиданно громко и четко сказала старушка.

Василий стоял и смотрел. Замер.

– Выйди, Васенька. – Повторила Валентина.

Посмотрел на нее, понял, вышел.

Казалось, на этом силы старушки иссякли.

– Спасибо, – прошелестела она.

Валентина наклонилась еще ниже.

– Спасибо тебе за Васю.

– Ну что Вы, зачем Вы...

– Молчи. Времени и так мало. Только тебе правду скажу, а ты уже дальше, как сама знаешь.

На минуточку стало совсем тихо.

– Не от твоего отца я Васю родила. Не брат он тебе.

И умерла.

Валентина держала в руке уже холодную руку и смотрела на женщину.

Где-то лет в 16 Валя стала понимать, что что-то в семье не так. Родители часто ругались. И Валя все чаще слышала имя Любви – женщины, что жила в конце деревни. А однажды в школе одна девочка постарше смеялась на Вале и сказала, что ее отец заделал байстрюка Любаше. Что такое байстрюк Валя уже знала. Тогда она с этой девочкой подралась. А потом дома спросила у мамы, правда ли это. Мать не ответила, только плакала долго.

А потом Валя выросла, вышла замуж, осталась жить в деревне. И как-то оно вроде и забылось. Пока однажды не увидела в канаве пьяного Василия. Она и раньше его встречала, присматривалась, сравнивала. Пыталась заговорить с

сестрами, что вот, брат ведь их. Но сестры сердито ее одергивали. Мол, глупости не говори, не было ничего. Не надо позорить отца и расстраивать мать.

Валя тогда помогла Василию встать, привела домой, накормила, дала какой-то одежды. А он смотрел на нее и плакал. Хоть и пьяными слезами, но такими детским.

И чтобы не позорить отца и не расстраивать мать, Валя стала помогать Василию. Она не только его кормила и одевала, она с ним говорила, слушала, советовала.

А вот теперь оказалось, что вот так.

Она сидела в комнате и плакала.

Потом вышла на улицу. Василий стоял и смотрел на нее все так же испуганно, как маленький мальчик.

– Умерла?

– Умерла.

– Что она от тебя хотела?

Валя прижала его к себе, погладила.

– Сказала, чтобы присмотрела за тобой, брат.